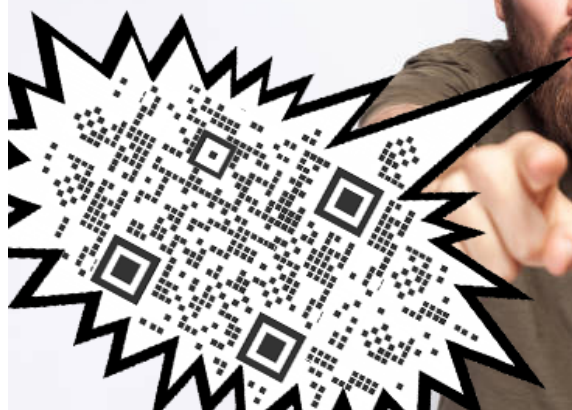

Грудники

Алексей Кулаковский

SHOUT **IT**
SHARE

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей

Грудники

Алексей Николаевич Кулаковский

Грудники

Рассказ

Перевод с белорусского Эрнеста Ялугина.

В Краснодар я собирался давно.

- Мне бы палату грудников... Знаете? - сказал я, пытаюсь узнать санитарку. Это была уже довольно пожилая женщина с увядшим морщинистым лицом, а с тех пор, как я ее мог видеть, минуло тридцать с лишним лет.

- А, вот тут, на втором этаже, - охотно ответила санитарка.

Тогда главврач скрипнул начищенными сапогами, уточнил:

- Товарища интересует не новая палата, а военной поры, офицерская. Вы должны помнить.

Санитарка с какой-то печалью прищурила глаза, внимательно всмотрелась в меня, потом спросила тихо:

- И вы были там?

- Был.

- Я тогда в другой палате работала. Но, кажется, припоминаю вас... А медсестра у вас Маша была, черненькая такая...

- Вот, вот, - обрадованно, словно сейчас увижу ее, подтвердил я. - А теперь она...

- Ничего не знаю. Пошла в медсанбат в сорок четвертом и не вернулась.

Бывшая фронтовая палата грудников заново выбелена и переоборудована, как и весь госпиталь, однако я узнал ее сразу. Палата большая, с тремя широкими окнами, и лежало тогда нас тут человек двадцать, койки стояли почти вплоты.

Мне выпала койка в углу за шкафом. Самое несветлое место - читать было трудно. И самое беспокойное, хоть и обособленное, - рядом находился стул, на который присаживался каждый, кто заглядывал в палату: врачи, медсестры, представители шефских организаций, случайные посетители.

Койки в том углу теперь не было. Однако мне она так живо представилась, что в моей правой ключице, уже давно зарубцевавшейся и почти забытой, вдруг шевельнулось что-то, заныло и напомнило ту боль, которая заслоняла мне прежде свет в палатных окнах.

...В минуты просветления, а особенно потом, когда дело пошло на поправку, я невольно наблюдал из своего угла за

товарищами по беде. Помню, как их перевязывали. Невозможно было не отвести глаза: раны у многих страшные, почти безнадежные. А эти раненые шутили с медсестрами, посмеивались.

И вспомнилось, как появлялась в палате раздатчица с подносом нарезанного ломтями хлеба и некоторые начинали выкрикивать, словно дети:

- Горбушку мне, горбушку!

Особенно как-то настырно получалось это у одного младшего лейтенанта, совсем еще молоденького, видно, только недавно окончившего школу. Ему всегда давали эту горбушку, будто маленькому.

Но довольно скоро его голоса не стало слышно в нестройном хоре наших попрошайек. Официантка сама подавала горбушку младшему лейтенанту, а он уже и не смотрел на хлеб. Он молчал. Потом я как-то проснулся на рассвете и увидел санитаров возле его койки. С носилками...

А некоторых своих однопалатников я встречал потом на дорогах Великой Отечественной. Они снова заслоняли грудью тех, кто был за ними.

В том краснодарском госпитале мне хотелось пробыть весь день. Пройтись по скверику, куда мы тогда выползали, едва только появлялась возможность подниматься с койки. Вот и тропинка, по которой мы так трудно добирались до реки, - вода в Кубани была такая теплая! Сначала мы только ополаскивались, а потом отважились купаться, и раны быстрее зарубцевывались от этого, кубанская вода оказалась целебной, животворной.

Но дела не позволяли мне вдосталь побродить здесь, повспоминать и грустное и радостное - предстояло сразу же ехать на кубанские нивы: как раз было время жатвы.

А на второй или третий день моих поездок случилось то, что сторицей компенсировало слишком краткое пребывание в госпитале.

В обеденный перерыв нас познакомили с комбайнером, одним из передовиков. Я мог поклясться, что вижу его впервые. И все-таки пытался вспомнить что-то важное, необходимое нам обоим: на обожженной солнцем груди этого человека была небольшая круглая выемка с правой стороны, под ключицей, как и у меня. Сразу ее трудно было толком рассмотреть под слоем пыли.

Позже, когда комбайнер остановился для короткой передышки, я подошел к нему. Он тоже вдруг проявил интерес ко мне. Лицо его было словно укутано в густую, седоватую от пыли бороду, не нарочно, надо полагать, отпущенную, а за неимением

времени на бритье. И эта борода очень мешала мне.

Преодолевая смущение, я расстегнул рубашку и показал выемку на своей груди, очень похожую на его, только менее округленную.

- Постой-ка!.. - удивленно и в то же время обрадованно воскликнул комбайнер и, чуть подумав, назвал мою фамилию.

У него оказалась память лучше моей: с огорчением я отметил, что фамилию мне не вспомнить. Он продолжал говорить, и, как в тумане, всплывало лицо раненого, который лежал у противоположной от меня стены и долгое время был безнадежным. Он никогда ни на что не жаловался, старался не стонать, ничего не выпрашивал и не требовал для себя каких-либо привилегий. Он оставался еще "тяжелым", когда я мог натягивать халат и ходить к реке. Он только пробовал подниматься, а я уже был выписан и направлялся в часть.

Мы обнялись.

- Ты, вижу, проездом, - промолвил комбайнер и досадливо глянул на "газик", где меня ждали. - Прошу тебя, остановись тут, в нашем колхозе, хоть на несколько часов. Я скоро сменюсь. Остановись, это будет для меня большая радость!

Под вечер он побрился, помолодел, стал еще больше напоминать того молчуна, которого я некогда знал. И мы отдались нашим, казалось, бесконечным воспоминаниям.

Вечером похолодало, он набросил на плечи пиджак. На лацкане пиджака блеснула вдруг золотом Звезда Героя Социалистического Труда. Пришлась она почти как раз на то место, где когда-то война сделала свою отметину.

1976